

РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «АРХИЕРЕЙ» В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ КРИТИКИ*

Аннотация: В статье раскрываются различные точки зрения русских критиков и исследователей творчества А.П. Чехова на его рассказ «Архиерей». Оценки, данные учеными, подтверждают, что судьба чеховского произведения никого не оставляет равнодушным: ни критиков, ни читателей.

Ключевые слова: рассказ, сюжет, авторская позиция, лирическое начало.

Рассказ А.П. Чехова «Архиерей» впервые был опубликован в четвертом номере «Журнала для всех» в 1902 году, однако история его написания начинается задолго до появления в печати. Уместно привести краткие сведения работы Чехова над этим произведением.

13 апреля 1899 года редактор «Журнала для всех» В.С. Миролубов в письме Чехову из Ялты в Москву напоминал: «Прошу Вас, дорогой, дайте рассказ. Если бы не было это для нас так важно, не стал бы я Вас беспокоить» [1]. 14 мая из Мелихово Чехов сообщает Миролубову о своем приезде в северную столицу: «Милый Виктор Сергеевич, в конце мая я буду в Петербурге. Напишите, где Вы будете в сие время (приблизительно около 26-29 мая), *надо повидаться*. Будьте здоровы» (8, 176). Миролубов ответил 17 мая 1899 года и обещал встретить Чехова, рекомендовал ему остановиться в гостинице «Северной» и снова обратился с просьбой: «Не привезете ли мне чего-нибудь? Порадовали бы» (8, 491).

Чехов, находившийся в это время в Ялте, откликнулся на письмо 6 декабря 1899 года: «Милый Виктор Сергеевич, рассказ я пришлю Вам непременно, только не торопите меня. ... к концу года подвалило много работы; если и виноват, то заслуживаю снисхождения. Я пришлю Вам рассказ «Архиерей». В случае какого недоразумения, если он окажется нецензурным для вашего журнала, вышлю что-нибудь другое» (8, 323).

Миролубов тотчас же ответил письмом от 11 декабря: «Присылайте бога ради «Архиерея»: у меня отношения с цензурой добрые. Присылайте, а то нет ничего на первые №№» (8, 598). Чехов обещал прислать рассказ в журнал еще в 1899 году, «усади́л себя за работу» [2] и 15 сентября 1900 года сообщил Миролубову: «Если напишу что-нибудь, то, простите, уж не раньше ноября» (9, 118).

Обещания своего Чехов не забыл, однако непосредственная работа над рассказом началась в марте 1901 года, о чем он известил О.Л. Книппер 16 марта: «Хотя бросил литературу, но все же изредка пописываю по старой привычке. Пописываю кое-что. Пишу теперь рассказ под названием «Архиерей» – на сюжет, который сидит у меня в голове уже лет пятнадцать» (9, 229-230).

Миролубов торопил Антона Павловича с окончанием рассказа, так как редакция уже известила своих подписчиков, что он будет скоро опубликован. Поэтому необходимо ему было знать, когда Чехов пришлет рассказ, который они обещали в объявлении. «К беллетристике относится цензура очень милос-

* © Новикова А.А.

тиво, – писал он 14 октября 1901 года, – (хоть за это спасибо), так что бояться за рассказ нечего. Не пришлете ли Вы его к 1-му ноября? Вот порадовали бы!..» (10, 363). На что Чехов, находившийся в это время в Москве, ответил: «Простите, голубчик, я не выслал Вам до сих пор рассказа. Это оттого, что я прервал работу, перерванное мне всегда было трудно оканчивать. Вот приеду домой, начну сначала и вышлю, будьте покойны!» (10, 94). Рассказ «Архиерей» писался «долго и трудно», с большими перерывами, «начал его в марте 1901 года, затем на некоторое время оставил работу над ним, вернулся к ней лишь в ноябре» (10, 263).

Чехов отправил законченный рассказ в редакцию Миролюбову 20 февраля 1902 года и просил прислать корректуру. «Цензуре не уступаю ни одного слова, имейте сие в виду. Если цензура выбросит хоть слово, то рассказ возвратите мне, а я пришлю Вам другой в мае» (10, 198).

Миролюбов выслал корректуру 7 марта и просил Чехова не задерживать ее, чтобы рассказ был напечатан в апрельском номере «Журнала для всех». Однако Антон Павлович, получив корректуру 8 марта, увидев, что «цензура сильно его испортила», потребовал еще раз: «... если цензура зачеркнет хоть одно слово, то не печатайте. Я пришлю другой рассказ. И так уж для цензуры я много выкинул и сокращал, когда писал. Помните сию мою просьбу, прошу Вас» (10, 206).

Когда рассказ был опубликован, казалось, что он сразу же привлечет внимание критики, но И.А. Бунин в статье «Чехов» отметил, что «его «Архиерей» прошел незамеченным – не то что «Вишневый сад» с большими бумажными цветами, невероятно густо белевшими за театральными окнами. И кто знает, что было бы с его славой, не будь «Винта», «Мужиков», Художественного театра!» [3]. Бунина, видимо, поразило содержание рассказа, о чем он написал в своих воспоминаниях, назвав «Архиерея» лучшим чеховским рассказом 1902 года. А об авторе он высказался так: «... он действительно достиг большого совершенства. «Архиерей» написан, например, изумительно. Только тот, кто занимается сам литературой и сам испытал эти адские мучения, может постигнуть всю красоту этого произведения». И еще раз повторил, что «критики, кстати сказать, обошли молчанием» [4].

Только в 1911 году появляется статья литературного критика, постоянного сотрудника «Биржевой газеты» А.А. Измайлова «Вера или неверие? (Религия Чехова)». Он считал творчество писателя вершиной русской литературы и явился автором первой монографии – критико-биографического очерка о Чехове [5]. «О любимом ушедшем человеке вспоминают все, всякую мелочь, но два огромных вопроса долго остаются в тени. Это вопросы – кого любил, как веровал?» – так начинает свою статью критик. В рассуждениях Измайлова очевидна его независимость от тенденций и направлений. Исходный принцип – дать представление о первом и втором вопросах, в связи с чем он писал: «Пора для постановки первого вопроса в отношении Чехова еще не пришла. Он, можно сказать, ушел только вчера. Еще мог бы он быть среди нас, и всего только 50-летним. Но уже вторым вопросом – «как веровал?» – не совершим нескромности, никого не заденем, не смутим» (5, 872).

Отметим, что Измайлов очень осторожно коснулся значимости рассказа «Архиерей», большее внимание было уделено рассказам «Святою ночью» и «Перекасти-поле» и другим, в которых Чехов, по его словам, «обнаруживает

великолепное знание церковной службы, чувствует прелесть старинного церковного оборота в каком-нибудь акафисте. Во всей нашей литературе трудно найти рассказ, равный по изумительной религиозно-поэтической нежности, по какому-то, я бы сказал святому, – чувству к пасхальному дню, как «Святою ночью». Только обозначив свое отношение к прочитанному рассказу об архиерее, критик скажет: «наше богослужение, в частности, – пасхальный канон, он описывает здесь и в других местах с изумительной красотой. Ему знакомо умиление молитвы, и он чудесно передает его в «Архиерее» (5, 894).

Измайлов пересмотрел все или почти все, что можно было найти по второму вопросу в сочинениях и биографическом материале Чехова, и пришел к заключению, что «Чехов не был человеком, судорожно мучимым идеею Бога. Он не мог бы сказать о себе, что сказал о себе Достоевский словами Кириллова из «Бесов»: *Меня Бог всю жизнь мучил*. Температура веры, если так можно выразиться, не была в Чехове настолько высока, чтобы религиозность его провалилась, помимо его воли, обвела зноем приближавшихся к нему.

Но он не был и индифферентом веры, ни, того менее, верующим «на всякий случай». Кажется, он с полным правом мог бы применить к себе слова Версилова из «Подростка»: *«Положим, я не очень веровал, но все же я не мог не тосковать по идее*. Я не мог представить себе временами, как будет жить человек без Бога и возможно ли это когда-нибудь» (5, 901- 902).

Не только эти рассказы, но и ряд других, упомянутых Измайловым, помогают понять причину раздвоения в душе Чехова, которое было в нем всю жизнь. Все оказывается сложнее, тоньше, противоречивее, чем кажется на первый взгляд.

В дореволюционных критических статьях о Чехове мы не встречаем оценок «Архиерея», хотя вопрос о его религиозности возникал часто. Об этом чуть позже хорошо сказал А. Дерман в вышедшей в 1929 году книге «Творческий портрет Чехова». В частности, он отметил, что «есть, однако, в творческой биографии вопросы, по которым, казалось бы, в силу их ясности, не может быть уж никаких споров и недоумений, ибо нет основания для произвольных перетолковываний. Таков, например, вопрос о религиозности Чехова...» [6]. Дерман приходит к заключению, что «Чехов отказывается неподвижно позировать тому, кто пишет его портрет. Чехова необходимо писать «на ходу» [7]. И с этим мнением ученого нельзя не согласиться.

В 1960 году достаточно интересный факт, касающийся сюжета рассказа «Архиерей», приводит И. Битюгова в статье «Записные книжки – творческая лаборатория», не анализируя самого произведения. «Зачастую своего рода сигналом для художника является запись характерной для героя фразы, за которой при создании образа встает ее носитель, – пишет она. – Так, занесенная в «Записные книжки» фраза «Японцы все равно, что Черногорцы» («Записные книжки», 1, с. 72, № 5), как известно из воспоминаний М.П. Чехова, была произнесена одним из посещавших в Мелихове отца писателя Павла Егоровича Чехова иеромонахом, отцом Ананием. Именно отец Ананий, «привлекавший к себе, по свидетельству М.П. Чехова, внимание Антона Павловича... и выведен писателем в рассказе «Архиерей» под именем отца Сыся» [8].

Всплеск интереса к творчеству Чехова приходится на конец 70-х – 80-е годы, когда появляются исследования И.Л. Альми, Г.А. Шалюгина, Г.А. Бердникова, А.П. Чудакова, И.Н. Сухих, В.И. Тюпы, В.Б. Катаева [9], в которых

либо упоминается рассказ «Архиерей», либо дан подробный его анализ с разных авторских позиций.

Так, например, Бердников в книге «А.П. Чехов. Идеиные и творческие искания» продолжил размышления Дермана о духовных исканиях великого писателя, потому что Чехов, по его мнению, «никогда не удовлетворялся достигнутым. Как бы совершенны ни были созданные им произведения, для него они всегда являлись вехами уже пройденного пути» [10].

Бердников высказывает мысль о том, что концовка рассказа звучит оптимистически, жизнеутверждающе, завершается «жизнерадостно, светлым аккордом», и «рассказ о смерти человека выливается в гимн торжествующей жизни» [11]. Краткий анализ одного из последних произведений Чехова, предложенный критиком, позволяет сказать, что он не похож на привычную статью или рецензию «по поводу». Вместе с тем Бердников рассматривает его односторонне, с точки зрения «духовной наполненности» архиерея, его смутных мыслей о простой человеческой жизни, переплетающихся с картинами праздничной весны, встречи Пасхи, проводя параллель: «смерть – ощущение счастья».

В 1987 году вышли работы А.П. Чудакова «Антон Павлович Чехов» и И.Н. Сухих «Проблемы поэтики А.П. Чехова». Отметим, что Чудаков не рассматривает содержание «Архиерея», только называет его в ряду других шедевров Чехова, написанных в последние годы. Однако в книге «Поэтика Чехова» (1971) автор обращает внимание на взаимоотношения человека и природы в этом рассказе, указывая, что Чехов был «первым в литературе, кто включил в сферу этики отношение человека к природе» [12].

С такой же позиции подходит к анализу «Архиерея» И. Сухих. Интересно, в свою очередь, отметить, что в главе «Художественная философия Чехова» он соотносит лирическое начало рассказа (пейзаж) с внутренним подтекстом, проявляющимся в ключевых, кульминационных эпизодах, «своеобразных лирических всплесках», где «воспринимающее сознание героя отчетливо сливается с голосом автора» [13]. Приводя примеры из других произведений Чехова, он завершает финалом «Архиерея»: «... и представлялось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он *свободен теперь, как птица*, может идти куда угодно!» [14].

Непритязательные, на его взгляд, сравнения «обнаруживают глубинный смысл». «Момент истины» – свобода, правда, красота – всегда природен. Чеховские герои прорываются к этой мысли периодически, автор помнит о ней постоянно». Это «итоговый для Чехова «пейзаж», «возникающий в угасающем сознании героя рассказа «Архиерей». Здесь, на наш взгляд, уже намечено особое понимание сюжета и нравственного прозрения героя в момент высшего подъема духа, ибо «происходит это потому, что в рамках «городского» хронотпа природа уже не существует как данность, а возникает как проблема» [15].

В соответствии с этой концепцией идут рассуждения В.И. Тюпы в работе «Художественность чеховского рассказа». Он обращается к анализу случая, когда гибнущий герой духовно близок автору в рассказе «Архиерей». Критик говорит о конфликте между внешней данностью человека и его личностью, о несмыкаемости внешне-ролевого и внутренне-личностного, о формировании «функционального» характера героя, его неадекватном «я-для-других». Бо-

гатство «личной тайны» героя, определяется тем, что «вопреки официальности высокого сана его искания в области веры не завершены, самодовольная неуспокоенность не проникла внутрь его «я»; процесс духовного самоопределения еще живо актуален для того, в ком не умерла детская устремленность в будущее... Желание жить («не хотелось умирать») – обычный для чеховского рассказа источник «личной тайны», даже своего рода авторское знамение художественной избранности персонажа, удостоверяющее его личностную значимость» [16].

Анализируя рассказ как художественное целое, В. Тюпа сходится в его оценках и с Бердниковым (мотив радости, веселости, праздничности) и с И. Сухих (мотив слияния человека и природы). Однако, в отличие от них, он идет дальше, раскрывая характеры других героев, подлинную глубину драматического конфликта, выявляя различные аспекты художественности произведения. Он считает, что Чехов «предлагает нам не меланхолическую исчерпанность одинокой жизни, а ее драматически напряженный, драматически открытый финал» [17].

В работах В.Б. Катаева «Проза Чехова: проблемы интерпретации» (1979) и «Литературные связи Чехова» (1989) дан подробный анализ рассказа «Архиерей», отдельные оценки и суждения которого прозвучали в исследованиях выше названных авторов [18]. В них мы встречаемся с никем еще не опробованным подходом к оценке «Архиерея», предложенным критиком. В главе «Вечные образы у Чехова» он указывает, что «найденный в русской литературе еще Пушкиным и Гоголем опыт типизации, порой мифологизации изображаемой действительности, неоднократно использовался Чеховым. Его привлекала возможность придать, через мифологические и литературные параллели, глубину и перспективу изображаемому. Рассказывая ту или иную современную историю, в то же время комментировать ее с точки зрения более широкой перспективы» [19].

Так, Катаев справедливо считает рассказ «Архиерей» одним из самых «совершенных творений Чехова», в содержании которого автор поднимается «до высот реалистического символа», и «добивается этого писатель на первый взгляд незаметным, но настойчиво повторяемым указанием на недели, в которые происходит действие рассказа». Интерес вызывает суждение о том, что «для Чехова жизнь, смерть и воскресение Иисуса Христа – поэтический миф. Но такой отдаленный намек, в духе мирозерцания героя, позволяет ему решить важные художественные задачи». При этом Катаев оговаривается, что, конечно, «Чехов не делает прямолинейных сравнений: для его целей достаточно отдаленного, едва уловимого намека – символа». И далее: «Особый смысл приобретает одиночество Петра, преданного на муки грубой жизни; архиерея забыли, пример его жизни остался непонятым людьми, поглощенными мелочами и суетой. Относящиеся к единичному человеку, эти факты воспринимаются в более широком плане, так как находят некоторую параллель в общеизвестной мифологии» [20].

В последующих статьях ученых Н.М. Зоркой («Чехов и «Серебряный век», 1996 г.), А.П. Чудакова («Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания», 1996 г.), Т.А. Шеховцовой («Сюжет апостола Петра в прозе А.П. Чехова и И.А. Бунина», 1997 г.) рассматриваются отдельные аспекты творчества Чехова, связанные с его отношением к религии,

так или иначе упоминается и рассказ «Архиерей» в ряду других произведений писателя.

Например, Зоркая называет рассказ «Архиерей» «вершиной религиозно-философской прозы Чехова», а «смерть героя, преосвященного Петра, в канун Пасхи есть знак избранничества» [21], Шеховцова же замечает, что чеховского героя отличает «жажда правды и красоты в мире и в человеческих отношениях» [22].

Для Чудакова существенным является вопрос о вере Чехова, и он считает, что, в отличие от Мережковского, «Чехову достаточно онтологической укорененности христианства в русской жизни. Это он замечательно показал в «Архиерее»: «Любовь его к церковным службам, духовенству, к звону колоколов была у него врожденной, глубокой, неискоренимой», что «для Чехова историческое христианство столь же реально-конкретно-вещно, сколь и современное. Ночь в Гефсиманском саду в «Студенте» воплощена так же телесно и эмоционально, как пасхальная ночь в «Архиерее» или рассказе «Святою ночью» [23].

В начале XXI века возрос интерес к проблеме нравственных исканий в русской литературе, и ученые вновь обратились, но без известной полемики и споров к чеховскому «Архиерею» [24]. Какова же судьба рассказа сегодня?

Заслуживает нашего внимания книга М.М. Дунаева «Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX вв.» (2002). Автор последовательно прослеживает путь религиозных исканий крупнейших и малоизвестных писателей и на примере главных героев лучших произведений отечественной классики раскрывает «становление их православного мировоззрения и пути их ко Христу через горнило сомнений». Через испытание веры, по мысли автора, «прошли все русские писатели, ощущавшие свое творчество как исполнение «долга, завещанного от Бога», и все поведали о том прямо или неявно. Чехов также свидетельствовал о духовных событиях своей жизни системой литературных образов, им созданных. В этом смысле все его произведения есть произведения автобиографические. Чеховское испытание веры происходило на собственном уровне обобщения жизненных реалий, в системе иных понятий, нежели у его персонажей».

Тем более примечательно, что автор, обращаясь к творчеству Антона Павловича Чехова, рассуждает с позиций современности, по-новому подходит к вопросу «веры или неверия» писателя, говорит об особенностях его творчества и о недостаточности его религиозного мироощущения: «...все творчество Чехова есть неизбежное страдание от ощущения сознанной им разорванности единства между людьми и Богом. Такое ощущение и сознание превращает его в человека (и художника), порою теряющего веру в бытие Божие, потому что в какой-то момент легче и понятнее становится обреченность человека на одиночество в мире, чем волевая его оторванность от Высшего Начала этого мира. Решая проблему уединения человека в себе, апостасийной атомизации общества, Чехов, однако, почти не сопрягает ее с необходимостью воцерквленности общественной жизни – и через это осуществление идеала человеческого единства. Он лишь намечает это в некоторых произведениях («Студент», «Архиерей»...). Основную же надежду он возлагает на личные усилия человека» [25]. Дунаев писал: «Речь в нем идет скорее не об архиерее (хотя и о нем несомненно), а о сущностных законах бытия, как понимал их писатель. Человек, каким бы он

ни был в жизни, уходит в неизведанное, и память о нем теряется во времени» [26].

Не менее интересной является позиция автора книги «Православный Чехов» А. Чадаевой, обнаруживающей новые грани веры Чехова, написавшего «Житие Всея Руси». Так, в главе «Живая вера» (по поводу рассказа А.П. Чехова «Архиерей») она раскрывает время реальных событий в повествовании – всего неделя: от Вербного воскресения до Пасхальной ночи. Затем достаточно подробно, в отличие от Зоркой, говорит об избрании Чеховым имени героя, соединившим два апостольских – Петра (в монашестве) и Павла – до пострига.

Выдвигая тезисы: «Судьба преосвященного Петра это и есть судьба его детской, а значит, истинной веры» и «Отчего умер архиерей? Отчего – сказано конкретно: брюшной тиф. Но это скорее повод для смерти, предлог. Причины – в сфере духовной», Чадаева последовательно исследует в рассказе позицию Чехова об истинной и мнимой вере, считая, что чеховский рассказ в настоящее время «в России вовсе не устарел» [27].

Таким образом, рассмотрев далеко не все материалы, касающиеся рассказа Чехова «Архиерей», мы приходим к выводу, что судьба чеховского «Архиерея» никого не оставляет сегодня равнодушным: ни критиков, ни читателей. Не претендуя на полноту раскрытия вопроса об оценках рассказа современными исследователями в рамках данной статьи, отметим, что каждый из них внес определенный вклад в изучение проблем, связанных с выяснением позиции самого Чехова и его отношения к истинной, «живой вере». Все авторы признают, что «Архиерей» – это шедевр Чехова. Нет сомнения в том, что у рассказа есть будущее, к нему будут возвращаться и открывать новые стороны поэтического мастерства великого писателя, ибо «почти все творчество Чехова – моление о Чаше. Не о своей» [28]. Перефразируя слова И. Сухих, скажем, что на каком-то историческом витке рассказ Чехова «Архиерей» вдруг снова окажется современным, необходимым, обнаружит смыслы, которые пока дремлют в нем, незамеченные и не востребуемые.

Список литературы:

1. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. Письма в 12 томах. – М., 1980. – Т. 8. – С. 491. Комментарии к письму Миролюбова. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи в круглых скобках.
2. А.П. Чехов работал в это время над повестью «В овраге».
3. Бунин И.А. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1986. – С. 482-506.
4. Чехов А.П. Собр. соч.: В 15 тт. – М., 1999. – Т. 11. – С. 365.
5. См.: Измайлов А.А. Вера или неверие? (Религия Чехова). Впервые опубликована: Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы. – М., 1911. – С. 133-179. Вошла в книгу «А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – нач. XX века (1887-1914). Антология». – СПб., 2002. – С. 873-905. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках.
6. Дерман А. Творческий портрет Чехова. – М., 1929. – С. 317-318.
7. Там же. – С. 332.
8. Битюгова И. Записные книжки – творческая лаборатория // Великий художник // Сб. статей. – Ростов-на-Дону, 1960. – С. 186-231. См. также: Чехов М.П. А. Чехов и его сюжеты. – М., 1923. – С. 47-48.
9. Шалюгин Г.А. Рассказ «Архиерей» // Чеховские чтения в Ялте. – М., 1983. – С. 27-34; Бердников Г.А. А.П. Чехов. Идеи и творческие искания. – М., 1984; Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов. – М., 1987; Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л., 1987; Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. – М., 1989 и др.

10. Бердников Г.А. А.П. Чехов. Идеи и творческие искания. – М., 1984. – С. 3.
11. Там же. – С. 438.
12. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. – М., 1971. – С. 250.
13. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л., 1987. – С. 161.
14. Там же. – С. 162.
15. Там же.
16. Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. – М., 1989. – С. 87.
17. Там же. – С. 95.
18. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. – М., 1979. В работу вошел раздел «Архиерей»: человек и его вера», с. 278-293; Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. – М., 1989. – С. 85.
19. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. – М., 1989. – С. 85.
20. Там же. – С. 86.
21. Зоркая Н.М. Чехов и «Серебряный век»: некоторые оппозиции // Чеховиана. Чехов и «Серебряный век». – М., 1996. – С. 12.
22. Шеховцова Т.А. Сюжет апостола Петра в прозе А.П. Чехова и И.А. Бунина // Чеховские чтения в Ялте. Чехов и XX век // Сб. научных трудов. – М., 1997. – С. 19.
23. Чудаков А.П. Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана. Чехов и «Серебряный век». – М., 1996. – С. 59.
24. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX вв. – М. 2003; Чадаева Алина. Православный Чехов. – М., 2005 и др.
25. Дунаев М.М. Антон Павлович Чехов (1860-1904). – С.607.
26. Там же. – С. 615-616.
27. Чадаева Алина. Православный Чехов. – М., 2005. – С. 212.
28. Там же. – С. 216.

A. Novikova

STORY BY A. CHEKHOV «BISHOP» IN RUSSIAN CRITICISM

Abstract: The article is devoted to different points of view of the Russian critics and observers of Chekhov's works on his story "Bishop". Appraisal given by scholars confirms that the fate of Chekhov's story doesn't leave anybody indifferent: both critics and readers.

Key words: The story, plot, author's position, the lyrical beginning.